

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.78.83.010

НОВАЦИИ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Владимир Павлович Коняхин¹, Татьяна Юрьевна Батютина²,
^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
¹ vladkon54@mail.ru, ² tatjanka_92@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена исследованию новаций Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, которые во многом обусловлены современной геополитической ситуацией в России и зарубежных странах и еще не получили должного освещения в отечественной уголовно-правовой доктрине.

Материалы и методы: в ходе исследования изучено свыше 130 федеральных законов, которые в совокупности отражают не только количественную, но и качественную характеристику произошедших метаморфоз Особенной части УК РФ за период с 2014 по 2023 г. Суть их, как и ранее (1998 – 2014 гг.), сводится к следующему: криминализация деяний доминирует над их декриминализацией; пенализация деяний, признанных преступными, – над их депенализацией, а дифференциация уголовной ответственности – над ее дедифференциацией (унификацией).

Результаты исследования: обозначенные тенденции приобретают все более интенсифицированную форму своего выражения, в частности, за счет расширения сферы административной преюдиции и увеличения количества специальных запрещающих норм, а также специальных видов освобождения от уголовной ответственности. В связи с этим в статье выделяется три основных тематических направления новейших изменений в Особенной части УК РФ, которые свидетельствуют о смене фокуса внимания законодателя с личности на государство и общество.

Обсуждение и заключение: в настоящее время произошел отказ от официально провозглашенной ранее идеи о формировании уголовного законодательства военного времени, что означает окончательное закрепление за УК РФ статуса главного (базового) источника российского уголовного права.

Ключевые слова: Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации; геополитическая ситуация; пандемия COVID-19; специальная военная операция; криминализация; пенализация; дифференциация; административная преюдиция; законодательство военного времени

© Коняхин В.П., Батютина Т.Ю., 2023

Для цитирования: Коняхин В.П., Батютина Т.Ю. Новации Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в контексте современной геополитической ситуации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 2 (52). С.70 – 77. DOI: 10.37973/KUI.2023.78.83.010

Scientific article

UDC 343.3/.7

DOI: 10.37973/KUI.2023.78.83.010

INNOVATIONS OF THE SPECIAL PART
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
AMID THE CURRENT GEOPOLITICAL SITUATION

Vladimir Pavlovich Konyahin¹, Tatyana Yurievna Batyutina²,

^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia,

¹ vladkon54@mail.ru, ² tatjanka_92@mail.ru

Abstract

Introduction: the authors study innovations of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, which are largely due to the current geopolitical situation in Russia and abroad which have not yet received proper coverage in the domestic criminal law doctrine.

Materials and Methods: the authors studied over 130 federal laws which together reflect not only the quantitative, but also the qualitative characteristics of the amendments in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation for the period from 2014 to 2023. Their essence is the same as before (1998 – 2014) boil down to the following: the criminalization of acts dominates over their decriminalization; the penalization of acts recognized as criminal – over their depenalization, and the differentiation of criminal responsibility – over its dedifferentiation (unification).

Results: the indicated trends acquire a more intensified form of their expression, in particular, the expansion of the scope of administrative prejudice, an increase in the number of special prohibition norms and special types of exemption from criminal liability. In this regard, the article highlights three main thematic areas of the latest changes in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, which, taken together, indicate a change in the focus of the legislator's attention from the individual to the state and society.

Discussion and Conclusions: at present, there has been a rejection of the previously officially proclaimed idea of the formation of wartime criminal legislation, which means the final consolidation of the status of the main (basic) source of Russian criminal law for the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Special part of the Criminal Code of the Russian Federation; geopolitical situation; COVID-19 pandemic; special military operation; criminalization; penalization; differentiation; administrative prejudice; wartime legislation

© Konyahin V.P., Batyutina T.Y., 2023

For citation: Konyahin V.P., Batyutina T.Y. Innovations of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation amid the Current Geopolitical Situation. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(2):70 – 77. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.78.83.010

Введение

Прошедший исторический период был ознаменован рядом событий, которые в той или иной степени повлияли как на основы функционирования современного российского государства в целом, так и на жизнь каждого из его граждан. Отправной точкой формирования новой геополитической ситуации в настоящем исследовании признается принятие в марте 2014 г. в состав РФ новых субъектов: Республики Крым и города федерального значения Севастополя, а также в октябре 2022 г. – ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей. Значительным трансформациям подверглись все сферы жизни общества на фоне пандемии COVID-19 (2020-2021 гг.). Поворотным для истории России стало проведение на Украи-

не специальной военной операции (с 24 февраля 2022 г.). Разумеется, столь масштабные и глобальные метаморфозы потребовали существенной корректировки нормативной правовой базы всех уровней. Неизбежным и естественным следствием сложившихся обстоятельств стало внесение многочисленных изменений в уголовное законодательство, а также в алгоритм его применения на практике. Настоящее исследование направлено на выявление основных тенденций в динамике «зеркала» уголовно-правовой политики нашего государства – Особенной части УК РФ – за период с 2014 по 2023 г.

Обзор литературы

В доктрине традиционно проявляется повышенный интерес к новеллам отечественного

уголовного права. Контент-анализ специальной научной литературы подтверждает, что ученые, как правило, чаще всего концентрировали свои усилия на анализе отдельных новых составов преступлений [1], [2], [3] и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации [4], [5], [6]. Реже в орбиту исследования попадали общие вопросы противодействия преступности в настоящих реалиях [7], [8]. Между тем представляется, что рассмотрение целостной модели развития современного российского уголовного права заслуживает самого пристального внимания.

Материалы и методы

В ходе исследования проанализировано содержание 131 федерального закона об изменениях и дополнениях Особенной части УК РФ: с 5 мая 2014 г. по 18 марта 2023 г. Точка отсчета определена тем, что первый после включения Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав России такой закон (№ 96) был принят именно 5 мая 2014 г.¹ С этого момента по настоящее время насчитывается 148 федеральных законов, скорректировавших УК РФ, из них 130 – его Особенную часть. При этом весьма символично, что 9 мая 2014 г., в День Победы, вступил в силу принятый еще 28 декабря 2013 г. Федеральный закон «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 433-ФЗ, дополнивший УК РФ статьей 280¹ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности». Данный нормативный правовой акт также включен в исследовательскую базу, поскольку первым по счету ознаменовал собой принятие ряда уголовно-правовых мер, направленных на укрепление суверенитета России в обозначенный промежуток.

С точки зрения выявления тенденций развития уголовного законодательства следует особо отметить, что в статье не ставилась задача отражения каждого изменения Особенной части УК РФ. Как известно, оценка отдельных коррективов в качестве более либо менее важных заведомо носит субъективный (оценочный) и дискуссионный характер. Однако следует признать, основываясь на законе диалектики, что и единичные изменения в своей совокупности олицетворяют общую, качественную характеристику отрасли уголовного права, пусть за весьма непродолжительный, но исторически значимый для России период.

Результаты исследования

Новеллизация УК РФ 1996 г. в целом можно назвать трендом российского правотворчества

на протяжении всего времени его действия: почти за 27 лет 294 федеральных закона были направлены на его оптимизацию, а единственный год, оставивший уголовное законодательство без изменений – 2000-й. По нашим подсчетам, в период с 27 мая 1998 г. (первый закон о дополнении УК РФ) до образования в составе РФ новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя – из 146 законов только 20 были посвящены исключительно Общей части, тогда как 126 внесли изменения в Особенную либо затрагивали одновременно с ней и Общую. В свою очередь, с 5 мая 2014 г. по 18 марта 2023 г. из 148 федеральных законов 18 обращены исключительно к Общей части, а 130 – только к Особенной или одновременно к положениям каждой из них. Таким образом, число законов, скорректировавших содержание Особенной части УК РФ за последние 9 лет, уже превысило на 4 единицы показатель предшествующих 16 лет.

Характеризуя реализованные изменения, напомним, что в учебнике, посвященном Особенной части российского уголовного права и подготовленном кафедрой уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета в 2015 г., был представлен следующий алгоритм развития Особенной части УК РФ: «*криминализация деяний доминирует над их декриминализацией; пенализация деяний, признанных преступными, – над их депенализацией, а дифференциация уголовной ответственности – над ее дедифференциацией (унификацией)*» [9, с. 33 – 39]. На основании проведенного анализа новелл УК РФ 2014-2023 гг. мы заключили, что эти выводы не только сохраняют свою актуальность, но и по своим качественным и количественным параметрам приобретают более интенсифицированную форму проявления.

В первую очередь, отчетливо прослеживается линия *криминализации*. В Особенную часть включены 73 новые статьи, из них: в 2014 г. – 13; в 2015 г. – 4; в 2016 г. – 11; в 2017 г. – 12; в 2018 г. – 5; в 2019 г. – 2; в 2020 г. – 5; в 2021 г. – 3; в 2022 г. – 18. Утратили силу в рассматриваемый период лишь 2 статьи: в 2016 г. – ст. 159⁴ «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности», а в 2018 г. – ст. 269 «Нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов» УК РФ.

Кроме того, криминализация находит отражение в расширении перечня признаков как ранее

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 38 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 05.05.2014 № 96-ФЗ (не вступил в силу).

закрепленных составов преступлений (например, ч. 1 ст. 171), так и в последующем их включении в новые статьи Особенной части УК РФ. В частности, через 3 недели после принятия (4 марта 2022 г.) статьи 280³ ее абз. 1 ч. 1 и абз. 1 ч. 2 дополнены альтернативным признаком «направленные на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях», а спустя год, 18 марта 2023 г., эта статья вновь «расширяется» и предусматривает теперь ответственность также за дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации.

Весьма заметен карательный уклон и в рамках перманентно осуществляемой *пенализации*. Ярким примером служит модификация санкций за склонение к совершению самоубийства или содействие его совершению: если 7 марта 2017 г. при включении в УК РФ ст. 110¹ наступление последствий в виде самоубийства или покушения на него предусматривало предельный срок лишения свободы в 6 лет, то вскоре, 29 июля 2017 г., была закреплена нижняя и значительно увеличена верхняя граница этого наказания: установлено лишение свободы от 5 до 10 лет. С учетом же дополнения этой статьи новыми квалифицирующими признаками данный вид преступной деятельности максимально наказывается в настоящее время лишением свободы на срок от 8 до 15 лет.

Другим резонансным событием для специалистов в области уголовного права стало повышение санкций ст. 264 синхронно с изменением подхода к определению в ст. 15 УК РФ категорий преступлений. Теперь неосторожное деяние может максимально наказываться 15 годами лишения свободы и признаваться тяжким, что не только вызвало шквал критики со стороны ученых, но и породило споры среди правоприменителей, в том числе и по вопросу о назначении осужденному вида исправительного учреждения. Этот феномен можно назвать одновременно проявлением пенализации и дифференциации в УК РФ.

В свою очередь, редкий пример частичной *депенализации* зафиксирован в одном из федеральных законов, принятых 18 марта 2023 г. Снижение верхней границы наказания в квалифицированных составах преступлений против установленного порядка уплаты налогов и сборов (ч. 2 ст. 199, ч. 2 ст. 199¹, ч. 2 ст. 199², ч. 2 ст. 199⁴

УК РФ) в каждом случае повлекло изменение категории преступления на менее тяжкую.

Дифференциация в «чистом» виде проявилась в дополнении перечня квалифицирующих признаков на уровне одной части (ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ), а также в отдельных случаях – в пересмотре их законодательной дислокации («прописки»). Из ч. 2 ст. 302 УК РФ «попытки» перемещены в ч. 3, а их последствия в виде неосторожной смерти потерпевшего или причинения тяжкого вреда его здоровью закреплены в ч. 4 этой статьи.

Ряд статей УК РФ пополнился новыми частями, нередко оформленными признаком «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"» (ч. 1¹ ст. 238¹, ч. 1¹ ст. 258¹ и др.). Следует отметить, что решение о повышении наказуемости соответствующих деяний носит неоднозначный характер. С одной стороны, значительная часть современной жизни требует вовлеченности в различные электронные средства коммуникации, что особенно остро проявилось в период самоизоляции во время пандемии COVID-19. Предшествующее длительное игнорирование российским законодателем этого фактора в ряде случаев вызывает даже удивление, а принятие 15 декабря 2022 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации постановления № 37 рассматриваемой тематической направленности можно назвать одним из самых ожидаемых событий среди специалистов уголовно-правового профиля. С другой стороны, именно повсеместное внедрение онлайн-технологий, как видится, далеко не во всех случаях позволяет оценить их использование преступником как характеризующее повышенную общественную опасность совершенного им деяния. Действия, направленные на максимизацию причинения вреда путем вовлечения в преступную деятельность как можно большего числа лиц (ст. 280¹, ст. 280⁴ и др.), в том числе в процессе распространения запрещенной информации (ст. 207², ст. 207³), обретают опасность ввиду неограниченного круга возможных адресатов. Противоположная ситуация складывается, если электронные технологии лишь опосредуют воздействие на конкретного потерпевшего без демонстрации содеянного вовне. Например, хищение в незначительном размере с банковской карты с точки зрения последствий мало чем отличается от кражи аналогичной суммы наличных денежных средств, однако, как известно, получает кардинально иную уголовно-правовую оценку. В связи с этим сохра-

няющееся в УК РФ отнесение подобных случаев кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158) к тяжким преступлениям представляется неоправданным.

Важно также отметить, что ряд статей дополнен частями третьими (например, в ст. 333, ст. 334, ст. 338, ст. 339, ст. 344, ст. 346 УК РФ), содержащими принципиально новые для уголовного законодательства признаки объективной стороны предусмотренных в них преступлений: «в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий». В этом случае, на наш взгляд, имеет место «завуалированная» идеальная совокупность криминализации и дифференциации.

Очевидна тенденция к расширению применения законодателем *административной преюдиции* при конструировании составов преступлений в разных главах УК РФ [10]. Их ряды, среди многих прочих, пополнили: мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158¹); незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171⁴); неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212¹); управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264³); призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц (ст. 284²).

Продолжается практика фиксации на уровне самостоятельных статей Особенной части УК РФ преступной деятельности *de facto* организаторов, подстрекателей и пособников. Эта тенденция подтверждается, в частности, в рамках ст. 110² «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»; ст. 281³ «Организация диверсионного сообщества и участие в нем»; ст. 230¹ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»; ст. 281¹ «Содействие диверсионной деятельности»; 282³ «Финансирование экстремистской деятельности» и др.

Заметно увеличение количества *специальных норм*. Сопоставление отдельных статей Особенной части УК РФ показало, что приме-

рами соответствующих новелл выступают ст. 201¹ «Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» по отношению к ст. 201; ст. 285⁴ «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» – к ст. 285 и т.д.

Растет и число *специальных оснований освобождения* от уголовной ответственности. Среди сформулированных *императивно* («лицо освобождается») можно назвать содержащиеся в примечаниях к ст. 222² «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему») и ст. 275¹ («Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией»), а *диспозитивно* («может быть освобожден») – к ст. 352¹ УК РФ («Добровольная сдача в плен»).

При этом карательный уклон уголовного законодательства РФ в определенной мере диссоциирует с нормативно установленными случаями нереализации уголовной ответственности на общих основаниях. Примечательно, что условием применения нереабилитирующего специального основания освобождения от уголовной ответственности может выступать и следование предписаниям *иных* отраслей права, то есть, по сути, речь идет об исполнении закрепленных в них обязанностей, что зафиксировано в примечании к ст. 200³ УК РФ: «лицо приняло меры, в результате которых многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости введены в эксплуатацию». Еще более яркий пример значимости межотраслевых связей уголовного права в процессе решения вопроса о реализации уголовной ответственности содержится в Федеральном законе от 18.03.2023 № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: уплата в полном объеме сумм недоимки и соответствующих пеней, суммы штрафа признана основанием отказа в возбуждении уголовного дела по статьям 198-199¹, 199³ и 199⁴ УК РФ.

В процессе оценки правотворческих новелл 2014-2023 гг. через призму сложившейся геополитической ситуации прослеживается закономерная смена фокуса внимания с личности на общество и государство: *усиленная охрана общенациональных интересов* красной нитью проходит через главы о преступлениях: против интересов службы в коммерческих и иных организациях; против

общественной безопасности; в сфере компьютерной информации; против основ конституционного строя и безопасности государства; против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления; против порядка управления; безусловно, против военной службы и даже против мира и безопасности человечества. Как было отмечено, максимальное количество новых статей – 18 – включено в Уголовный закон в 2022 г., из них лишь одна, а именно ст. 264³ «Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», носит «неполитизированный» характер. В связи с этим следует признать, что такое положение едва ли можно назвать неожиданным и фактически оно прогнозировалось еще до начала специальной военной операции, о чем свидетельствует содержание новой Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Президентом России 2 июля 2021 г.

В то же время утверждать, что законодатель оставил вне поля зрения интересы личности, не представляется возможным. В частности, уже сточена ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, что проявляется не только в уже названной актуализации частей пятых ст. 131 и ст. 132 УК РФ, но и в дополнении долгое время остававшейся неизменной ст. 133 новыми квалифицирующими признаками, изложенными в ее части 3. Показательно также, что практика Конституционного Суда Российской Федерации (дело в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой¹) послужила импульсом к совершенно справедливой уголовно-правовой и межотраслевой дифференциации по признаку судимости, что получило закрепление в ч. 2 ст. 116¹ УК РФ. Такой подход должен быть реализован и применительно к иным статьям УК РФ с административной преюдицией. Социальная направленность уголовного законодательства подтверждается введением ст. 144¹ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста»; расширены меры уголовно-правовой охраны несовершеннолетних: статьей 151² запрещается их вовлечение в совершение действий, представляющих опасность для жизни этих подростков.

Таким образом, новации Особенной части УК РФ в контексте современной геополитической

ситуации с известной долей условности можно классифицировать на 3 группы.

1. *Непосредственно направленные на защиту конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности РФ, укрепление обороны страны:*

а) изменения в «экстремистские», «террористические» и другие статьи УК РФ, предусматривающие посягательства на государство в целом, а также на мир и безопасность человечества (например, введение в УК РФ ст. 280² «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации» и ст. 361 «Акт международного терроризма»);

б) установление дополнительных мер защиты от вышеназванных преступлений путем пресечения факторов, прямо (включение в УК РФ статьи 283² «Нарушение требований по защите государственной тайны»; в пункт «а» ч. 2 ст. 228¹ – альтернативного признака «на территории воинской части» и др.) или косвенно (усиленное внимание законодателя к проблеме незаконной миграции) способствующих их осуществлению.

2. *Укрепляющие российские духовно-нравственные ценности и сохраняющие культурное и историческое наследие нашего народа* (в числе новых статей – ст. 243⁴ «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России»; ст. 354¹ УК РФ «Реабилитация нацизма»).

3. *Перманентно совершенствующие, в том числе с позиции законодательной техники, отдельные «общеуголовные» положения в связи с выявлением проблем, обусловленных практикой их применения, а также с потребностью учета межотраслевых связей уголовного права.*

Обсуждение и заключение

В заключение необходимо констатировать, что новации Особенной части УК РФ в период 2014–2023 гг. во многом обусловлены принятием ряда политических и юридически значимых решений не только для России, но и для всего мирового сообщества. Однако говорить о радикальной смене приоритетов законодателя лишь на интересы государственной власти и об игнорировании иных объектов уголовно-правовой охраны не приходится. Подтверждением этого вывода служит то,

¹ По делу о проверке конституционности статьи 116¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2021 № 11-П. СПС «Гарант» (дата обращения: 18.03.2023).

что в рассматриваемый период времени внесены изменения в абсолютно *каждую* главу Особенной части УК РФ.

Вместе с тем необходимо обратить особое внимание на то, что содержание Федерального закона от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» свидетельствует о его *реформообразующем* значении. Он не только изменил ранее действующие статьи Общей и Особенной части УК РФ, включил в него 6 но-

вых статей (201², 201³, 285⁵, 285⁶, 352¹, 356¹), но и затронул фундаментальные научные, институциональные основы всей отрасли. Если ранее в доктрине неоднократно и вполне обоснованно высказывались мнения о возможном выделении дополнительного источника – законодательства военного времени – и, как следствие, на его основе даже о формировании в перспективе подотрасли военного уголовного права, то теперь ч. 3 ст. 331 утратила силу, окончательно закрепив статус УК РФ как *главного (базового)* источника российского уголовного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Власенко В.В. Проблемы квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) // Уголовное право. 2022. № 5 (141). С. 3-12. DOI: 10.52390/20715870_2022_5_3
2. Губко В.А. Уголовная и административная ответственность за осуществление деятельности организации, признанной нежелательной // Уголовное право. 2022. № 9 (145). С. 10-18.
3. Коновалов В.А. Новеллы уголовной ответственности за нарушение условий контрактных обязательств в сфере государственного оборонного заказа // Законность. 2023. № 1 (1059). С. 45-47.
4. Андрухин Н.Г., Борисов С.В. Предпосылки, содержание и значение новых разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о квалификации и доказывании преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 67-72. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10197
5. Скрипниченко Н.Ю. Квалификация преступлений против правосудия в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2023. № 1 (149). С. 41-51.
6. Яни П.С. Новые разъяснения Пленума о квалификации взяточничества // Законность. 2022. № 7 (1053). С. 32-36.
7. Долгиева М.М. Криптопреступность в условиях специальной военной операции и западных санкций // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8 (141). С. 144-149. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.144-149
8. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики // Уголовное право. 2022. № 3 (139). С. 3-16.
9. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. Москва: Контракт, 2015. 560 с.
10. Лопашенко Н.А. Составы преступлений с административной преюдицией – «свои среди чужих»? // Российский следователь. 2022. № 5. С. 51-55.

REFERENCES

1. Vlasenko V.V. Problemy kvalifikacii zanyatiya vysshego polozheniya v prestupnoj ierarhii (st. 210¹ UK RF) // Ugolovnoe pravo. 2022. № 5 (141). S. 3-12. DOI: 10.52390/20715870_2022_5_3
2. Gubko V.A. Ugolovnaya i administrativnaya otvetstvennost' za osushchestvlenie deyatel'nosti organizacii, priznannoj nezhelatel'noj // Ugolovnoe pravo. 2022. № 9 (145). S. 10-18.
3. Konovalov V.A. Novelly ugolovnoj otvetstvennosti za narushenie uslovij kontraktnyh obyazatel'stv v sfere gosudarstvennogo oboronnoho zakaza // Zakonnost'. 2023. № 1 (1059). S. 45-47.
4. Andryuhin N.G., Borisov S.V. Predposylki, sodержanie i znachenie novyh raz'yasnenij Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii o kvalifikacii i dokazyvanii prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti, sovershaemyh s ispol'zovaniem seti internet // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 4. S. 67-72. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10197
5. Skripnichenko N.YU. Kvalifikaciya prestuplenij protiv pravosudiya v svete novyh raz'yasnenij Plenuma Verhovnogo Suda RF // Ugolovnoe pravo. 2023. № 1 (149). S. 41-51.
6. YAni P.S. Novye raz'yasneniya Plenuma o kvalifikacii vzyatochnichestva // Zakonnost'. 2022. № 7 (1053). S. 32-36.

7. Dolgieva M.M. Kriptoprestupnost' v usloviyah special'noj voennoj operacii i zapadnyh sankcij // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. T. 17. № 8 (141). S. 144-149. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.144-149
8. Babaev M.M., Pudovochkin YU.E. O neobходимosti razrabotki i prinyatiya koncepcii razvitiya ugolovno-pravovoj politiki // Ugolovnoe pravo. 2022. № 3 (139). S. 3-16.
9. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik dlya vuzov / pod red. V.P. Konyahina, M.L. Prohorovoj. Moskva: Kontrakt, 2015. 560 s.
10. Lopashenko N.A. Sostavy prestuplenij s administrativnoj preyudiciej – «svoi sredi chuzhih»? // Rossijskij sledovatel'. 2022. № 5. S. 51-55.

Информация об авторах:

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, vladkon54@mail.ru

Батютина Татьяна Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, tatjanka_92@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Konyahin Vladimir P., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Kuban State University, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Honored Lawyer of the Russian Federation, vladkon54@mail.ru

Batyutina Tatyana Yu., Candidate in Law (Reseach doctorate), Kuban State University, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, tatjanka_92@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Коняхин Владимир Павлович – разработка концептуальных подходов исследования; структурирование методической части статьи, формулировка выводов и практических рекомендаций; проведение критического осмысления и структурирование собранных материалов; доработка текста исследования.

Батютина Татьяна Юрьевна – сбор и анализ данных; подготовка первоначального варианта текста; формулировка выводов и практических рекомендаций.

Статья получена: 18.04.2023.

Статья принята к публикации: 26.06.2023.

Статья опубликована онлайн: 29.06.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.